

ИМЯ: ЕГО НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

И. УТКИН

Несмотря на явно просматриваемый в последние годы прогресс всевозможных человековедческих наук, психология имени во многом остаётся ещё «terra incognita». Во всём диапазоне психологических дисциплин, пожалуй, лишь экспериментальная психосемантика уделяет исследованию имени хоть какое-то, но, конечно же, явно недостаточное внимание. Между тем, вполне вероятно, что именно сегодня мы стоим у истоков новой науки — номопсихологии, которая в обозримом будущем займёт достойное место среди антропологических и гуманитарных дисциплин.

С глубокой древности и вплоть до недавнего времени процесс присвоения имени человеку считался священным, однако в настоящее время он оказался, к сожалению, почти полностью обесцененным. Вопрос о том, почему это случилось и какими последствиями для человечества это чревато, составляет один из важнейших аспектов в общей проблематике номопсихологии. В этом плане важность процесса денотации — присвоения человеку имени трудно переоценить, при условии, что данная личность в полной мере понимает его значение и смысл. Беда в том, что на протяжении новейшей истории человеческое имя обесмыслилось, утратило формирующую личность силу и превратилось просто в идентификатор личности, мало чем отличающееся от ИНН, серии и номера паспорта.

На протяжении всей истории человечества имя было неотделимо от личности. И пожалуй, со всей ответственностью можно утверждать, что процесс формирования личности начинается с момента присвоения имени индивиду. При наречении человек получает своеобразное пожелание-установку соответствовать своему имени, и в этом плане имя ко многому обязывает. Примечательно, что практически во все времена и во всех культурах людей нарекали добрыми именами. Даже имя «Иуда» — изначально доброе и означает «Хвалите Господа». Однако история показывает нам одну из величайших трагедий, как человек Иуда Искариот распорядился своим добрым именем, которое в дальнейшем стало синонимом понятия «предатель».

Получив имя, осознав его смысл, человек должен понимать, что это едва ли не единственное его достояние, которое будет «работать» на него не только при жизни, но и после смерти. Всякое имущество принадлежит человеку временно, оно неизбежно будет потрачено, использовано, либо отойдёт другим, а имя за ним закреплено навеки. С этих позиций крайне важно, чтобы оно было добрым. И Иуде Искариоту, несмотря на его раскаяние и суицид, несмотря на то, что всё вроде бы было предрешиено Богом заранее, вовеки «не отмыться» перед лицом человечества. Думается, что на примере Иуды Господь нам даёт жёсткое назидание: «Берегите своё доброе имя!»

Известное библейское изречение о том, что рай и ад начинаются на земле, тесно связано со «знаком» человеческого имени. Рискну предположить, что рай берёт своё начало от доброго имени, а ад — от имени проклятого. Присмотревшись повнимательнее, нетрудно заметить, что не существует просто святых, каждый из

23

Управление
и проектирование
[27 - 58]

них имеет своё имя: святой Николай Угодник, святой Сергей Радонежский, святой Серафим Саровский... Так же нет и просто извергов, все они имеют свои имена.

Направленность личности человека, озабоченного снисканием доброго имени, доброй памяти о себе, нацелена на социальное одобрение со стороны других людей, на жизненно-смысловое признание социумом. В самом общем виде задача состоит в том, чтобы транслировать все свои самые лучшие проявления личности и плоды жизненного опыта в коллективное сознание. Всё, что удалось поместить туда, уже не исчезнет со смертью индивида, а, следовательно, станет достоянием вечности.

Мы, психологи, полагаем, что «рай» и «ад» зарождаются в индивидуальном сознании в качестве интегральных самооценок своей сознательной деятельности. В дальнейшем коллективное сознание, обладающее многими атрибутами вечности, уже даёт окончательную оценку жизненного пути человека, закрепляя за ним либо доброе имя, либо проклятие. И здесь мы вполне солидарны со служителями церкви, что пока человек жив, он во многом может изменить свою прижизненную и посмертную участь, повлияв на свою самооценку и на память о себе, которая после смерти станет достоянием коллективного сознания. Наиболее доступными средствами в этом плане являются добрые дела и механизм прощения.

Русский язык удивительно сакрален. К примеру, перед долгой разлукой, возможно навеки, мы говорим: «Прощай!» или «Не поминайте лихом!». Императив, заключённый в этих фразах, не случаен, он несёт большой смысл и мощный эмоциональный заряд, ибо в нём звучит мольба о нейтрализации причинённого зла и надежда на добрую память о человеке. Для чего же этот императив призывает нас прощать, не помнить зла? Для того, чтобы успокоить совесть уходящего, который имплицитно озабочен тем, чтобы сформировать в сознании значимых других некую симпатию к себе. Это закономерно порождает силлогизм: «прощение — спокойная совесть — добрая память (доброе имя)».

Вообще, память о человеке, добрая или не очень, имеет какой-то особый сакральный смысл. Не зря наш народ, в своём подавляющем большинстве не отягощённый знаниями психологии, во многом интуитивно считает, что о мёртвых плохо не говорят. Или хорошо, или никак... Очевидно, в коллективном сознании русского народа живёт что-то такое, что заставляет с особым чувством, замешанном на торжественности и страхе, относиться к памяти об ушедших.

Рискнём предположить, что доброе имя, добрая память, равно как и общественное признание, являются общечеловеческими метаценностями, наряду с добром, истиной, красотой и т.д. Уважительное отношение к памяти о человеке, к его доброму имени является метапотребностью. Возможно, эта метапотребность обусловлена неким щемящим сердце предчувствием, что этот вопрос рано или поздно коснётся и тебя, что некогда наступит день и час, и всё, что останется от твоей жизни — это, по сути дела, лишь память и имя.

В настоящее время, на фоне меркантилизации индивидуального и коллективного сознания, всё более и более актуальной становится проблема успеха в жизни. Уже сформировалась особая отрасль психологической науки — психология успешной деятельности, обладающая своим категориальным аппаратом и инструментарием, проводятся всевозможные семинары, тренинги успешности, карьерные коучинги и т.д. Однако само понятие успеха является весьма размытым, неустоявшимся, «рабочим» и, как правило, ассоциируется с какими-то материальными или карьерными достижениями. Думается, что при такой постановке вопроса это путь отнюдь не

к успеху, а к трагедии. Принципиально, трагичность этого пути заключается в том, что в ходе «марафона» успешности осознанно или бессознательно отрицается другая личность, волею или неволею происходит противопоставление «я — успешный, а ты — нет», и именно это повышает самооценку, создавая иллюзию успеха. Человек, достигший «успеха», по существу злорадствует, видя неудачи других. Не секрет, что в последнее время стало весьма популярна поговорка: «Ничто нас так не радует, как неудачи других». Именно в ней, на наш взгляд, и заключена «формула успешности» современного человека. Карикатурность такого «успеха в жизни» очевидна.

В чём же тогда заключается подлинный успех? Мы полагаем, что он теснейшим образом связан с добрым именем. Поскольку доброе имя является вечным достоянием человеческой личности, обретение его и означает истинный успех в жизни. Святые Сергий Радонежский, Серафим Саровский, Матрона Московская, Леонтий Ивановский и многие другие не были ни богатеями, ни карьеристами, они многое претерпели в жизни, но ни у кого, наверное, не повернётся язык назвать их неудачниками, поскольку их жизненные достижения непреходящи, они стали достоянием вечности и освящены их добрыми именами.

Будем надеяться, что русская культура и русская словесность возродятся и тогда вновь будут широко востребованы гуманитарные науки. И имена собственные, как часть лингвокультуры, вновь обретут утраченные смыслы. Однако, что касается возвращения именам смыслов, но не стоит терять время и ждать всеобщего русского культурного возрождения. Это можно и нужно начинать делать уже сегодня! Родители, намереваясь дать имя своему младенцу, должны совершенно отчётливо осознавать, что тем самым закладывают краеугольный камень его судьбы. Они должны ясно понимать две вещи: смысл, который несёт то или иное имя, и в честь какого святого или прославленного человека будет наречен данным именем ребёнок. В дальнейшем, в сознательном возрасте в разговорах со своими детьми родители должны неоднократно касаться темы имён. Допустим, если мальчика нарекли Александром, то следует время от времени ненавязчиво напоминать, что Александр по-гречески означает «мужественный защитник», и мы называли так тебя в честь замечательного защитника земли Русской святого Александра Невского. Так что изволь соответствовать!

В отношении «удачного сочетания» имени и индивидуальности. Этот вопрос не может быть исследован в рамках естественно-научной парадигмы, но гуманитарная парадигма в этом плане таит в себе колоссальные возможности. Пока же в рамках русской культуры единственным, проверенным многими веками ориентиром в отношении удачного подбора имени под индивидуальные особенности человека являются святцы. Обсуждая эту проблему, нельзя обойти вниманием идею Конфуция об исправлении имён, которое, как указывает Н.А. Патрикеева, «есть возвращение к Традиции, предполагающей определённую ритуальность, заключённую в иерархии, последовательности, преемственности, порядке и человечности. Выполнение каждым человеком установленного Ритуала приводит к слиянию всех путей воедино, образующих общий и устремлённый к одному — Традиции и Вечности».

В заключение хотелось бы бросить мечтательный взгляд в будущее. Человечество, несмотря на страшные загибы и перекосы, не линейно, а скорее, подобно амёбе, движется в светлое гуманистическое завтра. Гуманный общественный строй немислим без расцвета наук, базирующихся на гуманитарной парадигме, среди которых в туманных далах грядущего уже просматриваются контуры педагогики доброго имени.

